

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

АНДРЕЙ САБУРОВ

БУДЕМ С ВЕРОЮ
РАДОСТИ ЖДАТЬ

МММVI

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

АНДРЕЙ САБУРОВ

**БУДЕМ С ВЕРОЮ РАДОСТИ
ЖДАТЬ**

Стихотворения

Водолей Publishers
Москва – 2007

ББК 84Р7-5
С12

Редакционная коллегия серии:

Р. Бёрд (США),
Н. А. Богомолов (Россия),
Е. В. Витковский (Россия, *председатель*),
С. Гардзонио (Италия),
Г. Г. Глинка (США),
В. В. Емельянов (Россия),
О. А. Лекманов (Россия),
В. П. Нечаев (Россия),
В. А. Резвый (Россия),
В. А. Синкевич (США),
Р. Д. Тименчик (Израиль),
Л. М. Турчинский (Россия),
Л. С. Флейшман (США)

Составление, подготовка текста *Александра Сабурова*

Научный редактор *Евгений Витковский*

ISBN 5-902312-97-3

© А. Сабуров, составление, 2007

© Е. Витковский, М. Сабурова,
послесловие, 2007

© Водолей Publishers, 2007

Андрей
Сабуровъ

Стихи.

1925.

I

* * *

Мы долго ждали. День настал,
И мной и вами долго жданный.
О, как внезапно хор органный
В одно мгновенье зазвучал!

Как говор струй, в молчаньи, мерно
Лились мгновенья. Всё сбылось.
Как несомненно и как верно
Вы угадали мой вопрос.

Молчали мы. Но тем слышнее
Средь говорящей тишины
Звучали мне, как звезды рдея,
Души взволнованной струны.

В сей миг роднящего молчанья
Глагол души с душой иной,
Как таинство, как день венчанья,
Ваш светлый мир сроднил со мной.

Как светлый образ, как виденье
И как мечту я вас любил
И в поэтическом волненьи
Как ангела боготворил.

Но то прошло, передо мною
Всё ожило: в меня в сей миг

Родной души живой родник
Влился широкою волною.

Давно ль? Минуты, как века,
Текли спокойно и счастливо.
Вчерашний день издалека
Нам улыбался молчаливо.

А с правой стороны на нас
С улыбкой серп новорожденный
Глядел, звездами окаймленный,
Как ангел, не спуская глаз.

И вот в наш сад незащищенный
Ворвался вихрь... Всё сотряслось.
Всё замерло, оторвалось
В душе, ударом оглушенной.

И что ж? Как утренний цветок,
Измятый ливнем и грозой,
Случайно втоптаный в песок
Случайной путника ногою,

Сковались чувства. Слабый стон
Из уст раздался искаженных.
Любовь, как предрассветный сон,
С полей спорхнула опаленных...

Но лишь на миг! И запылать
Вновь должен был огонь воз<ж>женный:
Душе, страданьем опаленной,
Воскреснуть суждено опять!

С преображенной душою,
Любовь с страданьем сочетав,
Вы замерли передо мною,
Меня случайно увидав.

И вновь мы врозь... И в час ночной,
И днем, как солнце над землею,
Головки очерк кружевной
Повсюду следует за мною.

*1/14 января 1925**

* Здесь и далее даты даются в авторских вариантах написания (А.С.).

II УТРЕННЯЯ ПЕСНЬ КРЕСТОНОСЦА

Проснулось утро. Сон минул.
С равнин, с холмов туман поднялся.
Трубы призывный глас раздался
И стан уснувший всколыхнул.

Не время, рыцарь, отдыхать!
Смотри, уж близко сарацины,
А ты? – в доспехах, среди равнины
Ты хочешь мир души искать?

Забудь и радость и покой:
Покой души в борьбе бесплоден.
Иерусалим да Гроб Господень –
Один символ перед тобой.

Пусть ты восторг души отдать
Готов одной мечте любимой –
За пядью пядь земли родимой
Из рук неверных отнимать.

Лишь труд и брань перед тобой,
Песок, пустыня – ни былинки –
И непрерывною чредой
За поединком поединки.

Пусть труден подвиг, долог путь,
Конца не видно испытаньям –

Не жди конца своим страданиям:
За гробом можно отдохнуть.

В твоих руках твой острый меч!
Одно сулит твой путь кровавый:
Иль победить – или со славой
Костями на поле бранном лечь.

25 янв. 1925

Татьянин день

III

* * *

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина...

Пушкин

Блажен, кого огонь разлуки
При первом взлете чувств прожжет!
Он не упрек, не горечь муки
В смятенном сердце унесет;

Не сожаленье, не желанье
В его груди заговорит –
Впервые трепет обладанья
Его проймет и опалит.

Восторг любви, восторг священный
Тогда впервые он поймет,
Тогда впервые свет нетленный
В себе самой любовь найдет.

В ней нет мучительных желаний,
Ей боле нечего искать:
Обретена в огне страданий
Любви восторженной печать!

Январь. 1925

Знаешь, кто прозвонил жизни рано
Оставил, не дожидаясь до дня
Вокруга полночь была...
Купина.

Блажен, кого огонь разлучки
При первом взлете губить не прочь!
Она не чурка, не горель струки
Вглубь сердцем ухаживай;

Не сожалею, не фелакве
В его груди заговорить —
Впервые ты меня обманывай
Его поймать и опалить.

Восторг любви, восторг свиденья
Тогда впервые он поймать,
Тогда впервые свить нежный
В себя самой любовь найдеть.

В ней жить мурчильных желаний,
Ей боль нежно искать:
Обречена. В огонь страданья
Любви восторженной нестать!

Январь, 1925.

IV ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

И хоть жизнь без тебя суждено мне влечить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Фет

Простились мы. И с каждым днем
Меня всё глубже проникает
Родство с тобой, и озаряет
Покойным, радостным огнем.

Но не грусти. В дали, в разлуке
Теснее связь души с душой,
И сердца страждущие звуки
Сближают боле нас с тобой.

О, как роднит воспоминанье!
О, как сближает в краткий миг
И одинокое молчанье,
И поэтический язык!

Нет, никогда простые речи,
Довольство радости простой,
Улыбки ежедневной встречи
Так не сроднили нас с тобой.

Пусть ты с другим, рука с рукою,
И я с другой пройду свой путь,

Но за могильною чертою
Мы вновь сойдемся как-нибудь.

И пусть со временем забвеньё
О друге память унесет,
Но уж свершилось обрученье,
Его ничто не разорвет!

И никогда союз счастливый
Сердец, не связанных борьбой,
С такой непобедимой силой
Не съединил бы нас с тобой!

Итак, вперед. Закрывши вежды,
Вперед, смелей. Уж пробил час...
Исполнишь веры и надежды –
Судьба уж обручила нас.

31 янв. 1925

V

* * *

Хоть я один; кругом пустыня;
Темно, мертво; дороги нет;
И хоть в печали и поныне
Моя вся радость, весь мой свет –

Не чужд былого обаянья,
Былому верен остаюсь
И радостям воспоминанья
Спокойным сердцем предаюсь.

Лишь только в час самозабвенья,
Как лепет жизни молодой,
Нахлынут чудные виденья
Широкой, шумною волной –

Воображенье мощной силой
В явь превратит минувший сон,
И вот утраты вздох унылый
В восторг победы превращен!

Тогда тревога чувств смолкает,
И вмиг из пепла предо мной
С улыбкой радость расцветает
В избытке силы молодой!

2 февраля 1925

Хоть я один; кругом пустыня;
 Темно, мертво; дорож несть;
 И хоть в перлах и коньяке
 Мой вся радость, весь мой светил —

Не чудь былого обаян,
 бывому вярень остаюсв
 И радостямь воспоминакель
 Спокойнымь сердцемь предаюсв.

Линь тольво вг чась самозадкель,
 Какь лелель фризни молодой,
 Наклмнутий гуркель видельны
 Широкой, шумноть волной —

Вображене мощной силой
 Вг звь превращити минутий сонь,
 И воть, ушрайтв вдуохь чумель
 Вг восторж победы превращеня!

Тогда тревога чувствь смолкаель,
 И вг миль, изг желья предо мной
 Сг шумовой радость расцвѣтаель
 Вг издытань силм молодой!

2 февраля 1925.

VI

* * *

Хотя б тебя ни разу боле
Мне увидеть не привелось,
Пусть навсегда по Божьей воле
Меж нами всё разорвалось,

Я не скажу – зачем весною
Мне было небом суждено,
Мой друг, дышать одной тобою
И жить с тобою заодно;

Что лучше б никогда на свете
Тебя мне было не видеть
И в тихом, ласковом привете
Любви растущей не встречать.

Она была тиха, прекрасна,
Была цельна в себе самой, –
Не говори, что мы напрасно,
Напрасно встретились с тобой.

Пусть ненадолго расцветает
Весенний утренний цветок,
Пусть скоро наземь упадет
Едва вспорхнувший мотылек,

Не скажешь ты – зачем весною
Всё ликовало и жило? –

С улыбкой светлой и немою
Ты вспомнишь всё, всё, что ушло.

Не зачеркнет и не отнимет
У нас никто тех светлых дней,
И память долго не остынет
С любовью вспоминать о ней.

4 февр. 1925

VII ПИСЬМО

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений,
Самоубийство и любовь!

Тютчев

Хоть мы простились, хоть, прощаясь,
Я полюбил вас, как сестру,
Но, самых слов своих смущаясь,
Не всё сказал я, расставаясь.
Примите ж исповедь мою.
Когда б я знал, что в отдаленьи
Вы уж забыли обо мне
И что в мучительном сомненьи
Не вспомните, хоть в сновиденьи,
О нашем первом светлом дне;
Когда б я был вполне уверен,
Что вы нашли свою мечту,
Что путь ваш тверд, и чист, и верен,
И что в грядущем не потерян
Ваш светлый мир; что красоту
Своей души вы пронесете
Средь неожиданных страстей,
И что тем ярче, тем светлей
Свой светоч девственный зажжете,
Когда утихнут наконец
Души неопытной страданья, –

Я сам, не дрогнув, в день венчанья
Над Вами поднял бы венец.

Но что ж? – в ответ внимаю я
Всегда тревожное молчанье...
Итак, примите от меня
Души своей повествованье.

В семье оврагов и лесов,
С природой в дружбе неизменной
Вы в мире благодатных снов
Дышали красотой нетленной.
Вам рано стал язык людей
Казаться чуждым и невнятным,
А шепот утренних полей
Желанным, близким и понятным.
Года текли. Вы стали ждать
Мечты неведомой расцвета
И жадно взорами искать
В других созвучного привета.
И вот вы встретили. Не раз
Вы увлекались на мгновенье,
Но свет неверный скоро гас,
Как сон, обман воображенья.
Впервые встретились вы в нем
С душой прямой и благородной
И с мыслью истинно-свободной,
С богатым сердцем и умом.

И вот неведомый пред вами
Открылся мир. И вы скорей
Вослед за новыми мечтами
Помчались средь родных полей.
Но не свободен он... Так что же?
Мгновенье, радость, жизнь и свет,
Они для вас всего дороже,
О завтра помышленья нет!
Когда бы не было преграды
Меж ним и вами, может быть,
Его тогда ж вы были б рады
Душой счастливой полюбить.
Но чувства скованы невольно,
Сокрыты от себя самой,
В вас дышит радость и покой,
Вам хорошо, – и вы довольны.
Сомненье сознанный любви
Вас не пугает, не тревожит,
И дружба с каждым часом множит
Дары прекрасные свои.
Тем незаметней и верней
Душа сближается с душою...
И глядь – уж силой роковую
Он овладел душой твоей!
Быть может, с первого мгновенья
Его открыто полюбив,
Вы снова вняли б глас сомненья
И охладел бы ваш порыв.
Сказали б вы: «Мне дорог он,
И мир души его заманчив,

Но мой восторг опять обманчив,
Мне мир иной, иной сужден!
В весенних первых сновиденьях,
В моих девических стремленьях
Иные грезы снились мне –
Ему неведомы оне!
Полей, оврагов и лесов
Родные, милые картины,
Приют заманчивой долины
Средь убегающих холмов;
Мечты о давней старине,
К весне неведомой стремленья,
Перед закатом, в тишине
Колоколов далеких пенье;
В старинных парках и дворцах
Полет фантазии чудесной,
А зимним вечером, впотьмах
Раздумье с книжкой неизвестной
В полуопущенных руках –
Вот весь мой мир! Вот вся моя
Любовь, и радость, и блаженство!
И никакое совершенство
Их не заменит для меня!»
Так не сбылось. И незаметно
Вы дружбой чистой увлеклись
И, как ребенок, беззаветно
И всей душой ей отдались:
Свой мир родной вы не теряли,
Не уходили в мир иной, –

Привет спокойно посылали
За грань души душе другой.
Но власти сила роковая,
Вас незаметно проникая,
Уж вас готова покорить! –
В неравной дружбе расцветая,
Спешит с восторгом жизнь младая
Себя другому подчинить.
И вот, в восторге обаянья,
Ему душой вы отдались
И вихрем чувства и желанья
На смену дружбе понеслись...

Ну что ж, и пристань? Наконец
Сбылися давние желанья!?
Пришла любовь, и вот конец
Нетерпеливого исканья?
Но нет конца... И вот порой,
В хаосе чувств, то грустно-нежных,
То упоительно мятежных,
Вы различаете с тоской
Мечты далекой глас родной –
Так глас свирельного напева,
Сквозь вихрь, грозу и ветра вой,
Внимает пред зарею дева,
Впросонках, осенью глухой.
И потому так неизменно,
Когда встречались вы со мной,
Так просветленно, так блаженно
Вы мне внимали всей душой.

Но знай, душа! Сокровищ нет
Столь верных, чистых и нетленных,
Как жизни первый тихий свет,
Как чувств рожденье вдохновенных.
Взлелей мечту тех первых дней,
Как драгоценную святыню,
И с твердым сердцем в жертву ей
Все чувства приноси отныне.
О, роковая связь, порвись!
А ты, душа, из тьмы незримой
Под кров мечты своей любимой
На зов родной скорей вернись!
Настанет время, востепенутся,
Как вихрь, забытые мечты,
И грустно будет оглянуться
На призрак чистой красоты.
Так презри темный сердца бред,
Благослови свое призванье, –
Какой тогда прольется свет,
Восторги, радость, ликование
Страданью долготу в ответ!..

6–7 февр. 1925

VIII

* * *

Душа моя, моя подруга,
Ты всё по-прежнему со мной.
Часы сердечного недуга
Не разлучили нас с тобой.

Лишь после скорбных дней разлуки
Мы приготовлены вполне
Соединить с тобою руки
И вдаль поплыть в одном челне.

Так, лишь теперь, когда страданьем
Нас рок с тобой соединил,
Мы можем ждать, чтоб нас венчаньем
Навек Господь благословил.

Слились друг с другом мы душою:
В нас вздох один и мысль одна,
Как будто жизнь одну
Со мною ты наделена.

Как будто с первых дней поныне,
Служа с тобой одной святыне,
Я жил, тобою озарен,
Твоим дыханьем напоен.

И вот теперь твой облик милый
Приносит мне не жар мечты –
Тепло и свет чудесной силой
Моей душе приносишь ты!

27 марта – 3 апреля 1925

IX

* * *

К чему стремлюсь, чего ищущу я,
Чего я жду? – ответа нет.
Лишь ноет сердце и, тоскуя,
Нетерпеливо ждет ответ.

Но где ж он? – в груди ли мятежной,
Как клад, он спрятан, иль в тебе,
Простор стихий, как мир, безбрежный,
Разлит невидимо везде?

Иль ты, любовь, его скрываешь
Вуалью нежною своей?
Скорей приди! Иль ты не знаешь,
Что за тоска в груди моей?

Зову тебя, приди скорее,
Иль ты не знаешь, что давно
Иссякнул дух, от мук немея,
Что всё в душе погребено.

Приди, и силою целебной
Мой дух смятенный воскреси,
И песнью радостной, хвалебной
Пустыню сердца огласи.

Приди напитком животворным
Мой дух взалкавший напоить
И к жизни светлой чудотворным
Внезапным светом воскресить!

5 апр. 1925

Х

* * *

Заговорила весна...
Заволновалась кровь..
О, пробудись ото сна,
О, возврати мне любовь!

Вспомни былую мечту:
Быстро бежим мы с тобой –
Майское утро в саду,
Утро в лесу за рекой.

Праздник разлит в небесах,
Праздником дышат листья,
Трепет восторга в очах,
Радость, и свет, и мечты.

Вот та береза стоит:
Корень огнем опален,
Смятая травка лежит...
Вспомнился тягостный сон.

Но, воскрешенная вмиг,
Как поднялась, расцвела! –
Силы весенней родник
Жадно в себя приняла.

Краше других налились
Почки и листья на ней...
О, моя радость, склонись
К другу головкой своей!

12 апр. 1925. Вербное воскресенье

XI

* * *

О, если б снова
Вас увидеть,
Сердца родного
Вздох услышать,

Вновь на лужайке
Вместе сидеть
И без утайки
В душу глядеть.

Взять вас на ручки,
К сердцу прижать,
Ножки и ручки
Вам целовать.

В глазки глубоко,
Долго смотреть,
Вместе далеко
К счастью лететь.

Чистой водицы
Снега белей
Дайте напиться
Ручкой своей!

Вспомните: лето,
 У ручейка,
В брызги одета,
 Льется река;

Брызги упали
 С ручек в песок...
Птицы слышали
 Ваш голосок.

Смех и молчанье,
 Прелесть проказ,
Первым признаньем
 Были у нас.

13 апр. 1925

ХП

* * *

И сердце просит, и сердце ждет:
Вот-вот взовьется покров волшебный,
И вся природа, как хор хвалебный,
Вдруг затрепещет и запоет.

В оцепененьи, и без движенья,
Мир околдован, царят в нем сны,
Но власть волшебства в одно мгновенье,
Как лед, растает в лучах весны!

Исчезнут чары, падут оковы,
Всё вдруг проснется, заговорит,
И каждый листик, как данью новой,
Победной песней мир подарит.

Апрель. 1925.

И сердце просить, и сердце видеть:
Война - вотча взвешеная покровъ волшебный,
И вся природа, какъ хоръ хвалебный,
Вдругъ затрепетаетъ и запоетъ.

Въ ослепленьи, и безъ движеня,
Миръ околдованъ, царитъ въ немъ смн,
Но власть волшебства въ одно мгновенья,
Какъ ледъ расстая въ лучахъ весны!

Целезвучныя гарн, надуть оковы,
Все вдругъ прояснетъ, заговоритъ,
И каждый лепетъ, какъ данью новой,
Победной почтой, миръ подаритъ.

Апрель, 1925.

ХІІІ НА МОТИВ СЛОВА ІОАННА ЗЛАТОУСТА НА ПАСХУ

Пал чалавек, весь в пыли, пред кумиром...
Но в час условный, как гром с небес,
Мощной струей пронесется над миром
Громкая песня:

«Христос Воскрес!»

Бодрствовал ты иль, отдавшись забвенью,
Сладость мечты собирался вкусить, –
В общем восторге хвалу Воскресенью,
Весь просветленный, придешь возносить.

Нет, и пылинки порою ненастной
Прахом лежали на тусклых листах,
Ныне ж опять хоровод их прекрасный
В детском восторге трепещет в лучах.

Силою солнца из праха могилы
Вмиг, точно звезды, взвились к небесам...
Ты ль, человек, устоишь против силы?
Ты ль не уступишь могучим волнам?

Ты ль не расстанешься с прежним кумиром
В час тот условный, когда с небес

Мощной струей пронесется над миром
Громкая песня:

«Христос Воскрес!»

16 апр. 1925. Вел. Четверг

XIV

* * *

Ты не думай, что своей ошибкой
Только горе принесла ты мне:
На могиле над травой зыбкой
Расцветают розы по весне.

Радость жизни пей всё так же жадно
Наяву, в раздумьи и во сне...
Не кори себя так беспощадно:
Песни дар ты возвратила мне!

16 апр. 1925

ты не думай, что своей ошибкой
Только горе прикисла ты мне:
На мошля надъ травною змбкой
Расцвѣтъ таятъ розы по веснѣ.

Радость жизни пей все такъ же жадно
На яву, въ раздумьи и во снѣ...
Не кори себя такъ безпощадно:
Пысли даръ ты возвратила мнѣ!

16 апр. 1925г.

XV ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

Посв. Н. А. Поспелову

Сейте радостное слово,
Вы, соратники Христа,
Вы, наследники былого,
Вы, носители креста.

Слышу глас молитвы вашей
В тихой горнице моей.
Он над всей землею нашей
Раздается средь полей.

Всюду скорбно и сурово
Весть ваш колокол несет:
Иисуса смерти снова
Предает Искарот.

Слышу жуткий, беспокойный
Разговор колоколов,
То согласный, то нестройный,
То глухой, как дальний зов,

Словно весть в ночном молчаньи...
И среди тиши ночной
Стражи верной совещаеье
К нам доносит голос свой.

16 апр. 1925

10 ч. веч.

Великий Цейверг

поэ. о. Н. А. Погослову.

Слыте радостное слово,
Вы, соратники Христа,
Вы, наследники былого,
Вы, носители креста.

Слышу шаше молитвы вашей
В тихой горнице моей.
Она надв. всей землею пахней
Раздается среди полей.

Встуду скорбно и сурово
Взвять вашу колокола несея:
Исуса смерти слова
Предають Искаріотъ.

Слышу чуждый, безпокойный
Разговоръ колоколовъ,
То сошаский, то кестройный,
То шужой, какъ дальній зовъ,

Словно вьветъ въ ногомъ молчаньи...
И среди тиши ногой
Стражи вьркой совьщанье
Къ намъ доноситъ голос свой.

16 апр. 1925.

10 г. в.в.

XVI РАССВЕТ

И тут в твоих очах увидел ясно,
Чего искал так долго и напрасно.

Гейне

Свет мой родимый, маменька милая,
Ангельчик ласковый, друг мой родной,
Будет нам радость, пройдут дни унылые,
Скоро найдем мы и свет и покой.

Долгие годы невзгод миновались,
Вижу, забрезжила искра вдали,
Бремя спадает, оковы распались,
Всходит побег с орошенной земли.

Ширится грудь, участилось дыхание,
Глубже, привольнее стало дышать...
Свет умиления стойкой в страдании!
Миг покрепися, недолго нам ждать!

*3 ч. утра. Вел. Пятн.
17 апр. 1925*

XVI

Разсвятъ.

И ничто въ твоихъ глазахъ увидѣть לנו
Тебя искалъ такъ долго и напрасно.
Гейне.

Святъ мой родимый, маленько шмад,
Ангельчикъ московий, другъ мой родной,
Будетъ намъ радостью, пройдуши дни чуждые,
~~Въ~~ Скоро найдемъ мы и святъ и покой.

Долгіе годы невзгодъ миновали,
Вищу, забрехала искра вдали,
Бремя спадаешь, оковы ранами,
Всеходимъ побѣгу съ орошенкой земли.

Ширится грудь, угасилое дыханіе,
Шебже, привольнее стало дышать...
Святъ чужденіи стѣпкой въ сѣраданіи!
Милъ покрывши, недалеко намъ удасть!

З. чѣра, М. М. М. М.

17 апр. 1925.

XVII

* * *

Если б не верил я в помощь небесную,
Если б не знал, что придешь ты за мной,
Если б не ведал про силу чудесную,
Разве я снес бы разлуку с тобой?

Вся надежда моя на Тебя,
На Тебя всё мое упование,
Не напрасно мое ожидание,
Им же сердце питает себя.

Научи меня, Боже, опять
Верить в помощь Твою благодатную
И молитву простую, понятную
Постоянно в душе повторять.

Полагаться на благость Твою,
Уповать на Твое милосердие
И Тебе посвящать всё усердие,
Да обрящем награду свою.

«Попросите и даст вам Отец», –
Его Сын нам сказал в завещание.
Будем помнить Его обещание –
Не уйдет нареченный венец!

Будем с верою радости ждать:
Слово Сына всегда непреложное –

Невозможное вмиг как возможное
Перед нами предстанет опять.

С этою верою в помощь небесную,
С верой, что снова придешь ты за мной,
С твердой надеждой на силу чудесную
Твердо несусь я разлуку с тобой.

17 апр. 1925

XVIII

* * *

Я мнил себя возлюбленным тобою,
Царица дум моих, волшебница моя,
Как я мечтал, что нынешней весною
Пред алтарем ты скажешь: «Я твоя!»

Фатою длинною и белыми цветами
Тебя увенчанной себе я представлял.
И колокольный звон, вверху над куполами,
С благоговейным трепетом внимал.

Я слышал хор, ликующий, победный,
Когда с букетом роз тыходишь в храм пустой,
И твой смущенный вид, и облик этот бледный,
Когда священник нас ведет пред аналой.

Епитрахилью нас соединив своею,
Он нас ведет, ведет туда, за грань судьбы;
Сквозь ткань я чувствую тебя рукой моею:
Твой верен шаг – ни страха, ни борьбы.

Похолодела ты, но не дрожит рука...
Ты – вся внимание пред таинством минуты.
Дорога к таинству... как вздох, ты коротка,
Но глубока, бездонна, как века
Без колебания, сомнения и смуты.

17 апр. 1925

Я мнил себя возлюбленным твоим,
 царица дум моих, волшебница моя,
 как я мечтал, что нынчецней весною
 Предъ алтарем ты скажешь: „Я твоя!“

Работю длиною и бивыми цвѣтками
 Тебя цвѣтканной себя я представляю,
 И колокольный звонъ, сверху подъ куполами,
 Съ благоговѣйными пренетомъ внималъ.

Я слышалъ хоръ, ликующій, побѣдный,
 когда съ букетомъ розъ ты входила въ храмъ чудной,
 И твоей смущенный видъ, и обликъ этотъ бледный,
 когда свѣщечники насъ везутъ предъ аналой.

И ты трахилью насъ соедини въ свою,
 Окъ насъ ведешь, ведешь, туда за грань судьбы;
 Свою ткань я чувствую твоя рукой моего:
 Твой взоръ шагъ — ни страха, ни борьбы.

Похолодела ты, ко' не дрожитъ рука...
 Ты — ведъ вниманіе предъ таинствомъ ликующъ.
 Дорога къ таинству... какъ вздохъ, ты короля,
 Но шубою, бездонна, какъ вѣха
 Безъ колебаній, волноты и сомнѣній и смуты.

17 апр. 1925.

XIX

* * *

Были дни предчувствий и надежды...
Робко первый цвет благоухал.
Ты тревожно опускала вежды,
Я свой взор к окошку обращал.

Скрыть хотелось первый вздох сердечный,
Равнодушьем скуки обмануть,
Сквозь вуаль небрежности беспечной
На тебя украдкой взглянуть.

Наступил тревожный день признанья...
Первый вздох в груди затрепетал.
Как заботливо среди молчанья
Я любви рожденье охранял!

А потом, во дни нежданной муки
В тесной клетке спряталась любовь...
Но, окрепнув в пламени разлуки,
Уж восторгов не боится вновь!

И теперь не в силах больше ждать я,
Тесно в клетке сердцу моему,
И готов раскрыть тебе объятья
Каждый миг по знаку твоему!

19 апр. 1925

Первый день Пасхи

Были дни предчувствий и надежды...
 Родко первый швытис благоухала.
 Ты тревожно опущала взгляды,
 Я свой взор к окошцу обращала.

Скрытые хотылось первый вздох сердечный,
 Равнодушные скуки облакуть,
 Сквозь бурю недружески безропной
 На тебя украдкой взглянуть.

Наступил тревожный день кружкань...
 Первый вздох в груди застрял...
 Как зовыливо среди молчанья
 Я любви рождение охранял!

Я пою, во дни нежданной муки
 Въ пивной кляпке сдержалась любовь...
 Но окривлеву в ташени разлуки
 Чуть восторгов не боюсь вновь!

И теперь не в силах больше удалять я,
 Твоя в кисточку сердцу молу,
 И готов раскрыть тебе обиды
 Каждый шаг по знаку твоему!

19 апр. 1925.

Первый день любви.

XX

* * *

Пусть неведом исход
(Чуть забрезжил рассвет),
Пусть вдали небосвод
Пеленою одет;
Пусть леса и поля
Всё в тумане ночном,
И повсюду земля
Как в дыму огневом –

Тем светлее горит
Веры пламенной свет,
Тем слышнее звучит
Благодатный ответ;
Тем яснее в тиши
Чую силу Твою,
И судьбу всей души
Я Тебе предаю.

22 апр. 1925

Пасха

x
x x

Пусть неводоле исходъ
(Пути забрежущимъ развитию)
Пусть вдали небосвода
Келенкою одытъ;
Пусть мвса и поля
Все въ туманахъ пономъ,
И повсюду земля,
Какъ въ дыму огневома —

Тьма свѣтлѣ горитъ
Въ ры пламенкой свѣтъ,
Тьма сминное звучитъ
Благодатный отвѣтъ;
Тьма ~~всхваси~~ въ тиши
Тую силу твою,
И судьбу всей души
Я Тебѣ предаю.

22 апр. 1925.

Насра.

XXI

* * *

Дар песнопения, дар упоительный,
Ты ли вернешь мне невесту мою?
Силой твоею волшеббно-целительной
Скоро я буду в желанном раю!

Точно весной земля орошенная,
Сердце горячей слезой облилось
И, словно нива, дождем освеженная,
Колосом спелым потом налилось.

Нива цветущая, жатва волшебная,
Сколько дождей напоило тебя...
Солнце восходит, и песня хвалебная
Льется навстречу воскресшего дня!

23 апр. 1925

Пасха

x
x x

Даръ твоихъ нивъ, даръ упоительный,
Ты ли вернешь мнѣ невѣсту мою?
Силой твоею волшебной-целительной
Скоро я буду въ желанномъ раю!

Только весной земля орошенная,
Сердце горючей слезой облитое
И, словно нива, дождемъ оживленная,
Колосомъ сплывшимъ котломъ налитое.

Нива цвѣтущая, жайва волшебная,
Сколько дождей накопило тебя....
Солнце восходитъ, и нивы хвалебная
Льетъ навстрѣгу воскреснаго дня!

23 апр. 1915.

Насфа.

XXII ПОСЛЕДНИЙ ШКВАЛ

Последний шаг. Последний взмах весла.
Корабль разбит. В проломы хлещут волны.
Шквал улетел. Вихрь смолк. Гроза ушла.
Хрипят леса, негодованья полны.

Лишь иногда, вдали, во тьме глухой,
Проносится громов зловещий хохот,
Как пир разгульной шайки воровской –
Визг, брань, лязг кандалов, и смех, и топот.

А на заре, в обманчивой тиши,
На грани волн виднелся брег цветущий,
И жадный взор измученной души
Уж различал приют в тени под кущей,

И взор молил... И вот сильней гести
Пловцы взялись... И вот последний взмах!
И новый шквал... Прими ж мой жалкий прах,
Немая смерть!.. Прости, о жизнь... прости!

24 апр. 1925

Последний шквал.

Последний шаг. Последний взмах вела.
Корабли разбиты. В прагмы хлещут волны.
Шквалы члестель. Вихрь смолк. Угроза ушла.
Хрипит леса, негодная поля.

Лишь иногда, вдали, во тьме шухой,
Проноситесь громовы зыбущий хохот,
Как пирь разгульный шайки воробьей —
Визг, брань, лязг кандалов, и шух, и топот.

А на заре, в обманливой тиши,
На грани волны виднелся брег зыбущий,
И градный взор измученной души
Учье размигал приют, в тьме под крышей,

И взор молвил... И воть сальной грести
Пловцы взмесь... И воть последний взмах!
И новый шквал... Прими же мой градный прах,
Немая смерть!... Прости, о, грех... прости!

24 апр. 1925.

XXIII

* * *

Без радости, без наслажденья,
Без упования, без мечты,
В тупом, слепом оцепененьи
Меня покинула и ты.

Бежит минута за минутой,
А я, забытый, в стороне.
Душа полна одною смутой:
И ты забыла обо мне!

Как жалкий выходец могилы,
Я жил, живу и буду жить,
И бремя непонятной силы
В груди подавленной носить.

Беги ж и ты, скорее, дале
От душной сени гробовой,
Как птицы стаей улетали
На юг от стужи ледяной.

25 апр. 1925

Вариация.

Как птицы осенью глухой
На юг от стужи улетали.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МОЛИТВА И ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Молитва и богослужение делают праздником каждый буднич­ный день. – Праздником не от слова «праздность», не в смысле беспечного, веселящегося, пустого, и в прак­тическом и в духовном смысле, безделья. Праздником, т. е. днем наполненным, днем, имеющим свое индивидуальное лицо, днем, какого задолго ждут дети, за то, что он внесет силу и жизнь, содержание в будничное однообразие; днем, исполненным и творческого напряжения сил, и радостно­го восторга; каким бывает и первый день увлекательной, новой, раскрывающей необъятные перспективы деятель­ности, и первый день торжествующей весны, когда после мартовской сырости и туманов вдруг разорвутся облака, брызнут ослепительные лучи и человек, уже забывший и о жизни, и о солнце, вдруг охваченный ликующим светом, почувствует, какую силу несет она в себе и какая могучая жизнь расцветет под ее оплодотворяющим дыханием, в какую песню сложится говор рек и морей, крики птиц и животных, дыхание ветра и порывы стихий. Вот чему упо­добляется день, начатый молитвой.

Почему? Молитва благочестива, молитва благодатна, но почему же она делает жизнь праздником?

Не всякая молитва делает жизнь праздником, как бы ни просветляла, как бы ни очищала она человека.

День преобразается в праздник той молитвой, которая связана с богослужебным календарем христианской католической церкви. Ибо богослужебная молитва христианина не есть моление индивидуальной души к Богу, – моление о спасении, моление покаяния, моление хвалебное или благодарственное, моление о благах духовных или о хлебе насущном: в богослужебной молитве осуществляются все эти внутренние движения через слияние индивидуальной души с бесконечно конкретной, бесконечно многообразной жизнью самого Бога, воплотить которую в себе, или, как она сама выражается, подражать коей стремится Церковь.

Но это еще богословская алгебра. Богослужебный календарь, который едва ли кто-нибудь способен воспринимать иначе, чем ряд бытовых привычек, – за блинами постное масло, а за постным маслом пасха и водка, – есть гениальное создание человеческого ума, окрыленного творческим воображением, создание, над которым потрудились люди, стоящие, по меньшей мере, в ряду величайших творцов и подвижников духа и просветителей человечества, творцы величайшей в мире двухтысячелетней христианской культуры. Заявление это дышит обскурантизмом, и каждый с благородным и «неистовым» негодованием последует по пятам Белинского и станет метать гром и молнии – если вообще не ограничится презрительной улыбкой в ответ на него. И, однако, мы заявляем это с полной уверенностью не только в истине своих слов, но и в безусловной доказуемости этой истины.

Однажды в некоем месте было сказано гениальное слово о внутреннем родстве между Великим постом и весной, с которой он совпадает по времени. Весна – время надежд, неожиданных, чудесных и благодатных; весна с ее побеж-

дающим солнцем – это подарок, которым наделяет человека великая, прекрасная и неистощимо-могучая мать-природа. И, при всем том, весна есть время трудного и тяжелого, но глубоко плодотворного томления. Это не эмоционально-беспредметное, чувственно-насыщенное томление; не то томление, которым наслаждаются третьестепенные сентиментальные поэты и их читатели и читательницы: это томление, от которого страдают; томление, которым начинается творчество и в котором пребывает человек в ту первую его стадию, когда идея, намерение, желание еще не созрело, еще не нашло своего конкретного образа; наконец, это томление, неизбежное для юности, если эта юность предшествует жизни не на шутку, не кое-как, не так, как предложат обстоятельства, а жизни серьезной, цельной, на которой лежит отпечаток своей особенной личности. Наконец, весна несет в себе образ чистоты, ибо никогда, нигде и ни в чем образ чистоты не достигает того предельного совершенства, как в весеннем лазурном небе, в первой травке, пробивающейся из-под прошлогодних гнилушек, и в первой зелени, покрывающей оживающие деревья. Первое дыхание радости, страдание и чистота... И это же заключает в себе Великий пост, обнимающий десять недель – от первой покаянной молитвы до страшной встречи воскресшего Бога.

Великий пост начинается не Прощеным воскресением. Великий пост начинается тогда, когда за три недели до Прощеного воскресенья в богослужение вступает первая покаянная молитва. Тихая скорбь звучит в ее напеве. Неожиданно зазвучала она из далекой глубины сердца, как вздох души, стосковавшей по жизни и свету, и тотчас замолкла. Она просит о даре покаяния и свидетельствует о своем бодрствовании перед Богом; но сознавая немощ свою идти через всю грязь и бестолочь жизни, не теряя

из виду путеводного света, она просит о том, чтобы бодрствование это поддерживалось радением Божиим. Чистоту этой скорби и этого тихого влечения к свету лучше всего выражает самое слово молитвы:

«Утренюет дух мой ко храму святому Твоему».

Эта тихая скорбь о грехе и влечение к свету есть основной мотив всего поста. Прежде всего перед взором Церкви проходят великие образы Покаяния.

Мытарь со своею скорбной и тихой молитвой, произнесенной у самого порога церковного, переступить который не позволяет ему стыд перед Богом – «Боже, милостив буди мне грешному...»

Блудный сын, бросивший отца своего, ибо скучной, однообразной казалась ему строгая домашняя жизнь; расточивший в пирах свои юные силы, которыми щедро наделила его природа, вернувшийся домой с тоскою, убитый горем, готовый занять место последнего пастуха в родительском доме и как-нибудь провести печальные дни свои – ибо негде ему было приклонить голову – но встреченный отцом своим с распростертыми объятиями, встреченный родительской любовью, праздничным ликующим хором, возвращенный к жизни с ее торжеством и ликованием, там, где готов был искать лишь приготовления к смерти...

Андрей Критский с его канонами... Мария Египетская, огнем пустыни выжегшая грех свой... В самом преддверии поста – неделя о Страшном суде.

Такими воспоминаниями, такими образами покаяния исполнена жизнь Церкви в недели поста. Для человека совершать покаяние значит ревниво подражать тем, кто вспоминается как образец покаяния. Потому-то и остановился мытарь у порога церковного, потому и вздохнул, потому и прошептал свою поразительную и простотою и силой молитву, что тяжело ему стало. Первый вздох пока-

яния бывает, когда человек стоит у порога отчаяния. Мало у него надежды – она спит и ему недоступна, – и как неизлечимо больной, предчувствуя близость смерти, вдруг осознав, что жизнь уже позади, а впереди только ответ, скорбно, в слезах, с трепетным смятением простирает руки и молит – но едва ли обольщает себя надеждой на выздоровление. Это страдание, жестокое, невыносимое благодаря сознанию собственного бесплодия, благодаря тому, что мертво и безучастно произносит он слово молитвы, и оно отдается в душе его досадною фальшью – и стыдно ему, и неловко, и остается одна фраза, неискренняя и лукавая, – страдание есть настоящий крест, который человек берет на себя, потому что смутный, еле слышимый инстинкт толкает и говорит, что лишь под этим крестом может родиться жизнь, может созреть плод. Покаяние исполнено страдного томления; это то томление, в котором зарождается жизнь, которым начинается творчество.

Это страдание и томление прямым путем ведет к творчеству. Томление сменяется такой радостью и просветлением, таким благоуханным цветением жизни, что человек чувствует себя объятым трепещущей и ликующей жизнью, слух наполняется ангельским пением, в глазах только солнечные лучи с радужной игрою красок, а душа – вся любовь, не отягченная не только камнем сомнения, но даже ни одной пылинкой рассеяния. Так преображается человек в ту ночь, когда, приготавливаясь петь гимн воскресшему Богу, весь бдение, весь превращенный в зрение и слух, присутствует он при облачении снятого со креста тела Спасителя в белые плащаницы, а хор ангелов тихо поет ликующую песню – черные ризы сменяются белыми, и человек ждет вести о Воскресении. Но рассвет этот виден издалека. Он звучит в каждой хвалебной песне, он виден в явлении креста, который, как древо, простирающее

могучие земные ветви, собирает под сенью своею всех, ищущих утешения.

Когда еще, как не весной, может совершаться Великий пост с завершающим его Воскресением, и что кроме Великого поста и Воскресенья в жизни духа может соответствовать весне в жизни природы?

Но это еще не ответ на вопрос: это еще только лирическое отступление.

* * *

Во время болезни в постели

2/5 марта 1916 г.

Он ждал ее, сгорая нетерпением,
Как в клетке тигр, метался в простынях.
Он ей кипел в бреду, жил наслажденьем,
Мечтал о ней в ее золотых кудрях.

Но боль брала свое: в минуты оживанья
Он слезы лил и Бога призывал,
И человеческие тихие стенанья
От боли и любви он испускал.

Когда же снова бред неумолимый
Истерзанную душу волновал,
Стремленье к ней рождалось с новой силой,
Молитву Господу он забывал.

Но вот пришло мгновенье перехода
От бешенства к любви полусвятой...
И мысли в нем теряется свобода,
И в нем царит борьбы миг роковой, –

Любить ли в бешенстве и с ярым нетерпением
Или, как внутреннее чувство говорит,
Молиться, уповать, жить наслажденьем,
Что всё еще, Бог даст, нам предстоит?!

Но вот пришла она и осветила
Могилку свежую из свеженьких цветов;
Дитяти нет; уж смерть предупредила
И унесла его в страну отцов.

МОЛИТВА

Господи, пошли благодать Твою
в помощь мне, да прослаблю
Имя Твое святое.

Молитва Иоанна Златоуста

Перед иконою святою
Прохожий в сумраке стоял
И с дерзновенною мольбою
Он к небу взоры обращал.

Не о прощеньи согрешений,
Не о спасеньи он молил,
Иных, но чистых утешений
Он у Спасителя просил.

Шептал он: в брани непрерывной
Погас в груди восторг быллой,
Но внятен мне Твой глас призывный
И так же дорог жребий мой.

Не дай мне пасть в пылу служенья
И символ бранный потерять;
Пошли мне, Боже, в укрепленье
Отрады светлой благодать.

С душой, борьбою иссушенной,
Мне подвиг свой не совершить...

Позволь, позволь душе смущенной
В восторге радостном любить!

Не к страсти грешною душою
В порыве пламенном стремлюсь:
О нет, нечистою рукою
Ее одежды не коснусь.

Но всякий раз, когда случайно
Сольется взор ее с моим,
Стремлюсь я, движим силой тайной,
К Тебе усердием одним.

Но вмиг тревога чувств смолкает,
Хладеет кровь, и предо мной
Краса Небесная сияет
Своей победной чистотой.

С очей спадает мгла ночная,
Хладеют чувства, кровь молчит,
И предо мной в преддверьи Рая
Твой дивный светоч предстоит.

И вот, коленопреклоненный,
Он просиял, он просветлел
И вверх, молитвой восхищенный,
На лик Господень поглядел.

5/VII-24

* * *

Никого не прельщу я собой,
И любить меня что за охота?!
Я несчастный и жалкий герой
В шутовском колпаке Дон-Кихота.

Невозможного вечно желал,
В невозможных мечтах был упорен, –
Я своими страстями играл,
Как играл княжной Мери Печорин.

Жажду дела в груди затая,
Горячась от нелепых суждений,
Был ленив, как Обломов Илья,
И скучал, как Онегин Евгений.

Растерял я все силы давно,
Путь мой в жизни был грешен и труден...
Знаю, мне умереть суждено,
Как погиб и тургеневский Рудин.

Если б кто-нибудь мог увидеть
Моей жизни изломанной профиль,
Надо мною б он стал хохотать,
Как над Фаустом злой Мефистофель.

1958 <?>

О МОЕМ ОТЦЕ

Мой отец, Андрей Александрович Сабуров, скончался, когда мне было около пяти лет. По воспоминаниям и рассказам моей матери, сестер, одноклассника отца Федора Сергеевича Булгакова и его жены Наталии Михайловны Нестеровой, у меня создался его образ как яркого и мужественного, даже отважного человека. Действительно, надо было обладать сильным характером, чтобы в 1930-е годы отважиться работать над такой темой, как философские и духовные искания русской интеллигенции 30-х годов XIX века, размышлять над причинами и трагедией русской эмиграции той эпохи, неизбежно перекликавшейся и повторившейся еще более трагично и массово столетие спустя. Что заставило его выбрать такую тему? Думаю, в этом выборе сыграло в значительной мере ближайшее окружение отца – его родные и близкие, преподаватели университета, духовный наставник; их судьбы и духовная позиция.

Детские и юношеские годы А. А. Сабурова проходили в общении с интереснейшими людьми того времени. Он был племянником композитора Николая Карловича Метнера и его брата-философа Эмилия Карловича Метнера. Среди друзей семьи были Александр Блок, Андрей Белый, Сергей Рахманинов и многие другие выдающиеся деятели русской культуры начала века. А. Блок, оценивший ранние, детские стихи Сабурова, надписал ему свои книги «Круглый год. Стихотворения для детей» и «Сказки. Стихи для детей». 5 декабря 1912 г. в письме Э. К. Метнеру Блок пишет: «Скоро выйдут мои книжки у Сытина, я Вам сейчас же их пошлю – для «Мусагета» и для Андрюши Са-

бурова, который описал, как “щедрое солнце лучи посылает”. Между прочим, мы с ним, вероятно, как водится, родня, потому что Сабуровы и Бекетовы находятся в родстве».

Домашним учителем и воспитателем был молодой поэт и литератор Сергей Дурьлин.

Духовным отцом был широко известный в настоящее время архимандрит Сергей Савельев (в миру Василий Петрович Савельев).

Андрей Александрович Сабуров получил весьма нестандартное образование: в 1920 г. он поступил на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета и окончил его в 1922 г. Учеба продолжалась всего два года, т. к. философское отделение было упразднено в 1921 г., но это были очень яркие и насыщенные года. Об общей атмосфере на факультете, о лучших преподавателях и студентах живо рассказывает А. Чичерин: «Мои однокурсники, ставшие близкими моими друзьями, Роман Владимирович Ольдескоп, Андрей Александрович Сабуров, Николай Матвеевич Гайденов, Василий Павлович Зубов, как и я сам, шутя, но не без серьезных оснований, называли себя последними русскими философами»*. Преподавателями же были Б. А. Фохт, А. Г. Цирес, И. А. Ильин, Г. Г. Шпет, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев и др.

На Андрея Сабурова самое сильное впечатление произвел И. А. Ильин, от облика которого он что-то перенял на всю жизнь. А. Чичерин вспоминал: «И. А. Ильин излагал в очень напряженном и приподнятом тоне, очень вдохновенно и гордо систему своей философии, в основу ко-

* Алексей Чичерин. О «последних русских философах» и о трудах одного из них // Московский журнал. 1992. № 2. С. 28–36.

торой было положено требование духовного опыта, устремленность к созерцанию предмета». <...> «Студенты философского отделения тех лет поступали в университет не для того, чтобы получить специальность и соответственно в будущем – надежный кусок хлеба, и не для того, чтобы стать образованными людьми, а только для того, чтобы решить для себя загадку бытия, и каждый искал наиболее верный путь, который привел бы его к этой цели ... А осенью 1922 года Ильин, Франк, Бердяев, Лосский, Карсавин – все выдающиеся философы того времени – были высланы на Запад».

Позже дяде Андрея Сабурова – композитору Николаю Карловичу Метнеру было запрещено возвращение в Россию с зарубежных гастролей (что было воспринято им как трагедия, но определенно спасло ему жизнь); однокурсник Р. В. Ольдескоп с 1930 по 1935 гг. был в заключении в Архангельских лагерях.

«В 1922 году “последние философы” осиротели, пошли каждый своим путем ... Никто из нас не покривил душой, каждый избрал то попроще, на котором мог быть полезен, и все оказались людьми кому-то нужными. ... А. А. Сабуров занимался Печериным, потом был научным сотрудником Музея Л. Н. Толстого (в последние годы жизни читал лекции в Московском университете) и не дожил одного месяца до выхода из печати своего труда долгих лет – “Война и мир» – проблематика и поэтика»*.

Александр Сабуров

* Там же.

САБУР, ГОРЬКИЙ СТОЛЕТНИК

В древность уходят корни рода бояр Сабуровых. Горечью отозвалась им в XX веке древность фамилии да и самое ее значение. Редко кто помнит значение этого слова (*сабуф* – столетник, лекарственное растение, которое привыкли мы видеть на окнах). Лишь по теории вероятности выжил при советской власти Андрей Александрович Сабуров... но короткой оказалась его жизнь.

Его корни со стороны отца, Александра Александровича Сабурова (1874–1934), известны с XIII века. Сабуровы были боярами со времен Ивана Калиты; их род (одного происхождения с Годуновыми) был вписан в Бархатную книгу. Праправнук мурзы Чета, Федор Иванович Зернов по прозвищу Сабур, считается родоначальником семьи. Многие Сабуровы были воинами. Так, Федор Сабур сражался на Куликовом Поле; немало Сабуровых погибло в казанских и ливонских походах: шло становление и укрепление Московского государства.

Среди потомков рода Сабуровых известна московская ветвь, которой и принадлежит отец Андрея Александровича. Юрист по образованию, Александр Александрович, как и многие его предшественники (в числе которых – дед, Иван Федорович Сабуров, генерал-майор, участвовавший в суворовских походах), был военным.

Сам поэт, оставшийся безвестным для своего времени, Андрей Александрович Сабуров родился в Москве в 1902 и умер там же в 1959 году. Теряя в годы переворотов и гражданских войн друзей и родственников, он все-таки сумел приспособиться к скудной жизни «советского человека». Боярин с более чем шестью столетиями

родословного древа вынужден был обучиться искусству выживания. Жизнь это искусство ему сберегло, но не продлило.

Если по отцу Андрей Сабуров был буквально боярином, то о роде его матери следует сказать отдельно. Женился Александр Александрович Сабуров на Софии Карловне Метнер. Ее предок Фридрих Альберт Гебгардт (в России – Федор) принадлежал старинному роду органистов, происходившему из Тюрингии. Многие родственники Софии Карловны внесли свою лепту в культуру начала XX века. Двое братьев Софии были музыкантами – Александр и всемирно известный Николай Метнер. Старший брат Эмилий – философ и литературовед. Двоюродный брат Александр Федорович Гедике – известный органист, профессор Московской консерватории. В музеях страны сохранились замечательные миниатюры Вильгельмины Федоровны фон Гебгардт середины XIX века.

С раннего детства Андрей хорошо знал классическую музыку, русскую литературу и поэзию. В качестве воспитателя София Карловна пригласила Сергея Николаевича Дурьлина, историка литературы и искусствоведа. Большое влияние на Андрея оказывал и его дядя, Э. К. Метнер; в архиве семьи сохранилась переписка юного Сабурова с «дядей Милей».

В 1919 году Андрей Александрович окончил 5-ю Московскую гимназию с золотой медалью и поступил на философское отделение филологического факультета МГУ, где читал лекции один из будущих пассажиров печально известного «философского парохода» Иван Ильин, знания и культура которого оставили глубокий след в мировоззрении Андрея. Учебный курс был окончен досрочно в 1922 году. После Университета и аспирантуры Андрей Александрович продолжил научную работу в учительских институтах и других учреждениях.

В 1940 году, перед самой войной, А. А. Сабуров защитил кандидатскую диссертацию «Жизнь и деятельность В. С. Печерина». Во время войны, с 1942 и вплоть до 1947 г. Андрей Александрович работал в Загорском Учительском Институте, где заведовал кафедрой литературы и был директором по научной части, откуда был впоследствии переведен в Институт Мировой Литературы, и с 1946 г. работал в архиве А. М. Горького. Вероятно, и на него писали доносы. Но в СССР доносчик нередко погибал раньше того, на кого доносил, а в чем можно было обвинить Сабурова? В древнем дворянстве? Но оно и так было вписано в любую его анкету, а в жизни он занимался чистой наукой. Всякий жребий мог выпасть, но невозможно было посадить и расстрелять всю страну, – вот и оставались на свободе потомки старинных родов: Сабуровы, Голенищевы-Кутузовы, Оболдуевы... Хотя как раз поэту Егору Оболдуеву (1898–1954), древность чьего дворянства примерно равна древности рода Сабуровых, ссылка все-таки выпала, и жизнь его (как и жизнь Андрея Сабурова) оборвалась всего-то в пятьдесят шесть лет.

С 1943 г. Андрей Александрович сосредоточился главным образом на творчестве Л. Н. Толстого, писал монографию о «Войне и мире» – любимом с гимназических лет романе. В 1944–1947 гг. Сабуров прочел в Институте Мировой Литературы и в Толстовском музее шесть докладов, в числе которых «Лермонтов и Лев Толстой», «Сценическая композиция в романе “Война и мир”», «Композиция философских отступлений в “Войне и мире”», «“Война и мир” как эпопея».

В 1951 году А. А. Сабуров был переведен из архива А. М. Горького в Толстовский музей, где, будучи членом дирекции, исполнял обязанности заведующего отделом рукописей. С 1952 года работал по совместительству на кафедре журналистики Московского Университета – вел

спецкурсы, спецсеминары, работал с дипломниками и аспирантами.

В 1956 году была закончена монография «Война и мир. Проблематика и поэтика» (35 авторских листов), утвержденная к печати в декабре того же года Ученым советом Толстовского музея и подкреплённая тремя отзывами докторов филологических наук, подтверждающими желательность ее опубликования. Книга, ставшая основным итогом научной работы А. А. Сабурова, вышла в 1959 году, уже после смерти автора.

В конце жизни, во времена «оттепели», Андрей Александрович был на просмотре американской киноэпопеи, снятой по «Войне и миру». В письме от 22 августа 1959 года он высказал мысль о великой заслуге автора сценария, показавшего, «...каким чудесным, благоуханным цветом расцветает русская мысль на иной земле, под иным небом». Сабурову особенно было дорого, что в созданном сценарии «...живет бессмертная и неумирающая русская культура, ставшая всемирной в лице величайших творцов прошлого века», что «трепетной радостью проникает в сердце».

Редакторы «Литературной Газеты», куда обратился Сабуров, переслать письмо отказались. Оно было опубликовано много лет спустя в «Московском журнале» (1991. № 11. С. 38).

Спустя много десятилетий после смерти Андрея Сабурова в его архиве была найдена тетрадь, исписанная каллиграфическим почерком по старой орфографии, – лирический дневник юного чувства и сопутствующей ему мысли. Сколько таких дневников сгорело в дворянских усадьбах в дни русской смуты?.. Но если архив уцелел, то в более поздние времена подобные «заветные тетради» порой доходили до печатного станка.

Писал А. А. Сабуров и в поздние годы, причем едва ли успел отдать этому занятию столько времени, сколько планировал уделить в так и не наступившей старости.

Пожалуй, нельзя сказать, что поэзия Андрея Сабурова приходит к нам из забвения: скорее она приходит из скрытого бытия, на три четверти века прикинувшегося небытием. Горек был *сабур* жизни выжившего в советские годы боярина, *столетие* со дня рождения которого уже успело пройти, но человек уходит, а книга должна оставаться.

*Мария Сабурова,
Евгений Витковский*

СОДЕРЖАНИЕ

I. «Мы долго ждали. День настал...»	5
II. Утренняя песнь крестоносца	8
III. «Блажен, кого огонь разлуки...»	10
IV. Последнее слово	12
V. «Хоть я один; кругом пустыня...»	14
VI. «Хотя б тебя ни разу боле...»	16
VII. Письмо	18
VIII. «Душа моя, моя подруга...»	24
IX. «К чему стремлюсь, чего ищу я...»	26
X. «Заговорила весна...»	28
XI. «О, если б снова...»	30
XII. «И сердце просит, и сердце ждет...»	32
XIII. На мотив Слова Иоанна Златоуста на Пасху	34
XIV. «Ты не думай, что своей ошибкой...»	36
XV. Великий Четверг	38
XVI. Рассвет	40
XVII. «Если б не верил я в помощь небесную...»	42
XVIII. «Я мнил себя возлюбленным тобою...»	44
XIX. «Были дни предчувствий и надежды...»	46
XX. «Пусть неведом исход...»	48
XXI. «Дар песнопения, дар упоительный...»	50
XXII. Последний шквал	52
XXIII. «Без радости, без наслажденья...»	54

ПРИЛОЖЕНИЕ

Молитва и Великий пост	56
«Он ждал ее, сгорая нетерпеньем»	62
Молитва	64
«Никого не прельщу я собой...»	66
<i>Александр Сабуров. О моем отце</i>	68
<i>Мария Сабурова, Евгений Витковский. Сабур, горький столетник</i>	71

Сабуров А. А.

C12 Будем с верою радости ждать: Стихотворения. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 80 с. (Малый Серебряный век).

ISBN 5–902312–97–3

Лирика А. А. Сабурова (1902–1959) до сих пор оставалась неизвестной страницей в отечественном литературоведении. По отцовской линии – потомок древнего боярского рода; по материнской – племянник пианиста и композитора Н. К. Метнера и философа Э. К. Метнера, воспитанник искусствоведа С. Н. Дурьлина, ученик философа И. А. Ильина, – кем стал бы он в свободной стране?.. А в СССР лишь удалось защитить диссертацию, закончить монографию о «Войне и мире» и – видимо, по случайности – не попасть в число репрессированных. Основу книги составляет тетрадь стихотворений А. А. Сабурова, датированная 1925 годом.

ББК 84Р7-5

Сабуров Андрей Александрович

Будем с верою радости ждать
Стихотворения

Литературно-художественное издание

Технический редактор А. Ильина

Корректор В. Резвый

Подписано в печать 20.01.07. Формат 60x90/32

Бумага офсетная. Гарнитура Баскервиль

Печать офсетная. Печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ №

Издательство «Водолей Publishers»

119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б

тел. (495) 786-36-35. E-mail: agathon@humanus.ru

Отпечатано в ИПП «Гриф и К°»,

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

МАЛЫЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

В СЕРИИ ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Ещин Л. Е. Собрание стихотворений. 2005. – 80 с.

Эйснер А. В. Человек начинается с горя: Стихотворения разных лет. 2005. – 72 с.

Дураков А. П. Один из солнечных лучей: Собрание стихотворений. 2005. – 80 с.

Манухина Н. Л. Смерти неподвластна лишь любовь: Стихотворения. 2006. – 80 с.

Эйгес Е. Р. Тихий шелест стихов: Стихотворения. 2006. – 80 с.

Отдел «Книга – почтой»
E-mail: agathon@humanus.ru